

С.А. Скорый, А.П. Орлик

ЗАХОРОНЕНИЕ ВОИНА ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ КИРОВОГРАДЩИНЫ

Статья посвящена публикации разнообразных предметов из разрушенного впускного воинского погребения на вершине 8-метрового кургана на Кировоградщине, на пограничье Правобережной Лесостепи и Степи. В их числе бронзовые детали конской упряжи, железный наконечник копья, остатки лепных сосудов и пр. Инвентарь погребения характерен для новочеркасской группы предскифских памятников Восточной Европы, соотносимых рядом исследователей с историческими киммерийцами.

Ключевые слова: захоронение воина, памятник новочеркасской группы, киммерийцы, пограничье Лесостепи и Степи Северного Причерноморья.

Погребения предскифского времени с металлическими предметами так называемой новочеркасской группы (или культуры), которые ряд исследователей отнюдь небезосновательно соотносит с историческими киммерийцами, на территории Северного Причерноморья — в степной зоне [Тереножкин, 1976, с. 28—33, 44—46; Махортых, 2005, с. 101—106] или лесостепном ареале [Тереножкин, 1976, с. 73, 78—80; Скорый, 1999, с. 11—16, 20—48], встречаются вовсе не часто. Так, например, в украинской Лесостепи, где ситуация с подобными комплексами лучше, нежели в северопричерноморской Степи, до недавнего времени можно было достоверно говорить лишь о 15 новочеркасских погребениях с теми или иными металлическими предметами: вооружением, деталями конской упряжи, украшениями. В 18 пунктах (на поселениях или случайно) были также обнаружены некоторые «новочеркасские» вещи [Скорый, 1999, с. 11—19].

Ситуация решительным образом иная на территории Северного Кавказа, где, в отличие

от Северного Причерноморья, известно значительное число погребений с металлическими изделиями новочеркасского облика и обилие предметов новочеркасской группы, особенно деталей конской упряжи и вооружения (напр.: [Дударев, 1991; 1999; Махортых, 1994; Эрлих, 1994; Лесков, Эрлих, 1999; Вальчак, 2009]). При этом — что следует подчеркнуть — число находок постоянно возрастает (напр.: [Дударев, 2011, с. 155—170; 2011а, с. 171—177]). Несомненно, большая часть из них является предметами производства местных мастеров.

В свете сказанного, бесспорный интерес представляют материалы разрушенного погребения, обнаруженного в одном из курганов, на пограничье Правобережной Лесостепи и Степи.

Курган 3 группы I¹ расположен в 2,0—2,3 км к З—СЗ от с. Богдановка (ранее — с. Фрунзе) Бобринецкого р-на Кировоградской обл. (междуречье верховьев р. Мертвод и правого берега р. Сугоклия, правого притока р. Ингул). Упомянутая группа насчитывает 6 насыпей, 4 из которых активно распахиваются (рис. 1). Курган 3 — самый крупный и северный в упомянутой группе, протянувшейся по оси ССЗ—ЮЮВ на довольно большое расстояние — до 1,0 км. Высота кургана 7,9 м, при диаметре насыпи 91 (С—Ю) × 113 (В—З) м (рис. 2). Высота над уровнем моря — 202,6 м. Координаты памятника, определенные с помощью JPS 60 Garmin: N 48 06' 49,1", E 032 04' 04,3".

В апреле 2015 г. на вершине названного кургана одним из соавторов настоящей работы, А.П. Орликом, обнаружена прямоугольная

1. Нумерация соответственно Государственного реестра памятников истории и культуры по Кировоградской обл.

грабительская яма, бесспорно, уничтожившая впускное погребение предскифского времени. Размеры ямы: 4,0 × 3,5 глубиной 1,5—1,9 м. В земле отвалов, окружающих яму со всех сторон, найдены фрагменты истлевшего дерева диаметром до 5,0—8,0, гранитные камни размерами 10—25 × 15—35 см, мелкие фрагменты человеческих костей, металлические предметы конского снаряжения и вооружения, фрагменты керамики (всего 23), несколько мелких костей домашних животных (овцы и лошади) (приложение 1), вероятно, от жертвенной пищи, а также — альчик (астрagal) овцы, возможно служивший игральной костью.

При последующей затем проверке ямы А.П. Орликом было обнаружено углубленное в пол основание могилы прямоугольной формы, со слегка скругленными углами, размерами 1,80 × 0,60—0,70 (?) м, ориентированной по оси СВ—ЮЗ. По периметру могильной ямы, вдоль стенок вперемежку с фрагментами дерева (на одном просматриваются следы обожженности) лежали небольшие куски рваного гранита. Аналогичные куски гранита встречались по всей площади могилы. При этом северо-западная длинная стенка была нарушена грабителями и дно прокопано здесь на 10—15 см.

Глубина могилы, увы, не восстанавливается, но, вероятно, учитывая глубину грабительской ямы, она составляла не менее 2,0 м. На дне фиксировался тлен белого цвета, скорее всего, от подстилки растительного происхождения. При расчистке дна могилы найдены фрагменты человеческого черепа, расположенные у юго-западной торцевой стенки могильной ямы (мужчина, возраст 30—40 лет) (приложение 2), что позволяет говорить о юго-западной ориентировке погребенного. А у северо-восточной стенки могилы, параллельно ей, фиксировался тлен костей. В районе таза дно было прокопано на 10—15 см. Помимо этого, в заполнении, в юго-западной части могилы, почти у дна, найдены железные фрагментированные предметы в виде небольших штырей. Приблизительно в районе таза обнаружено значительное количество фрагментов лепных сосудов, большинство из которых имеет следы свежих обломов.

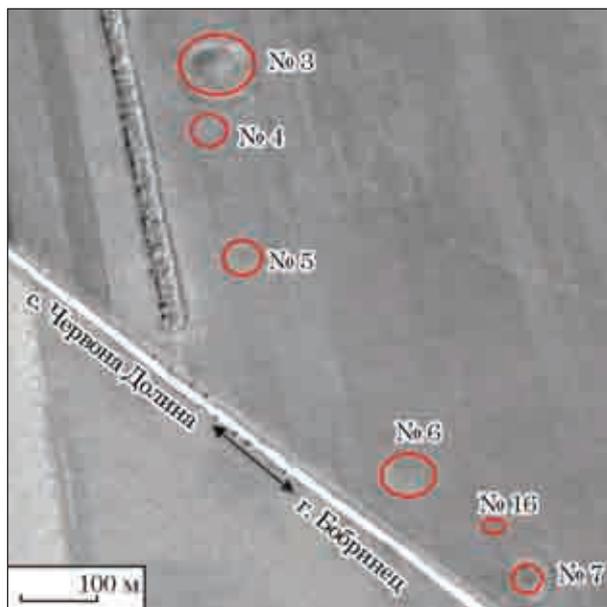

Рис. 1. Курганная группа I близ с. Богдановка (Фрунзе) на Кировоградщине. Курган 3 содержал впускное воинское захоронение новочеркасской группы

В отвале, при его просматривании, найдены два фрагмента почвы с отпечатками меди или бронзы в виде трех полос, возможно, от наконечников стрел и один массивный, не исключено, от удила. Кроме того, обнаружены куски дерева различных размеров, скорее всего, от перекрытия. Ксилотомическое их изучение показало, что это остатки древесины дуба (приложение 3).

Полученные сведения позволяют говорить о том, что могила первоначально имела деревянное перекрытие, из досок или плах, похоже, скрепленных железными штырями или скобами (?), на котором располагалась каменная выкладка. Это предположение подтверждается находкой в земляном заполнении могильной ямы одного из гранитных камней, на котором четко отпечаталось дерево. Подобное использование камня в погребальных конструкциях киммерийцев в северопричерноморской Степи отнюдь не редкость [Махортых, 2005, с. 96].

Рис. 2. Курган 3. Общий вид (фото). Сверху на насыпи — выкид из грабительской ямы, разрушившей впускное погребение

Рис. 3. Нижняя часть стелы из впускного погребения в кургане 3. Гранит

В апреле 2016 г. была осуществлена тщательная проверка всего земляного выкида из грабительской ямы (в пределы которой попало погребение) с целью поиска каких-либо артефактов. В итоге удалось обнаружить 11 фрагментов лепной керамики и ломаные кости — человека и животных. Кроме того, было еще раз зачищено основание могильной ямы, в результате чего были найдены части железного предмета в виде стержня¹.

Заслуживает внимания находка на южном склоне насыпи двух больших гранитных камней с обработанной поверхностью. Их совмещение показало, что это две части низа менгироподобной стелы, сохранившейся в высоту на 1,07—1,10, при ширине 0,50—0,60 м. Верхняя же часть стелы отсутствует (рис. 3).

Несмотря на обработанную поверхность, изображений на сохранившейся части стелы нет, что, впрочем, не исключает, что таковые были на ее верхней части. Несомненно, оба фрагмента стелы скатились с вершины кургана. Ранее, при предшествующих осмотрах памятника, они не фиксировались. Скорее всего, эти части найдены при копке грабительской ямы. Подобные менгириобразные стелы известны в предскифское время, обладая при этом иногда изображением тех или иных аксессуаров [Тереножкин, 1978, с. 15, рис. 6].

Рассмотрим сохранившиеся в ограбленном погребении находки.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ

ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УЗДЫ²

1. Звено бронзовых литых стержневидных двухкольчатых удил имеет обычную для этого

1. В работах принимали участие С.А. Скорый, А.П. Орлик, Р.В. Зимовец, К.А. Панченко, Т.А. Потемкин. С целью поиска металлических предметов в выкиде и основе могильной ямы использовался металлодетектор.

2. Реставрацию бронзовых изделий произвел реставратор А. Калашник (ИА НАН Украины).

типа форму — с крупным круглым кольцом внутреннего окончания для соединения с иным звеном, и двумя кольцами, разного диаметра, внешнего окончания, для закрепления псалиев и ремня уздечки.

По классификации А.А. Иессена и В.Р. Эрлиха, звено принадлежит удилам типа I [Иессен, 1953, с. 52—57; Эрлих, 1991, с. 34]. По более дробной классификации С.Б. Вальчака, они относятся к подварианту 1 варианта 1 подтипа 1 типа 1 подгруппы 2 [Вальчак, 2009, с. 34—36]. Двухкольчатые удила встречаются в комплексах VIII—VII вв. до н. э.

Общая длина звена 8,5, толщина стержня до 0,7 см. Внешний диаметр внутреннего кольца — 2,2 × 2,3, внутренний диаметр 1,0 × 1,4 см. Внешний диаметр малого кольца окончания звена — 1,7, внутренний — 0,6 × 0,7 см. Внешний диаметр большого кольца окончания звена — 2,5, внутренний — 1,3 см. С внешней стороны на этом кольце виден слабый выступ.

Поверхность звена с двух сторон гладкая, лишена какого-либо орнамента. Звено имеет следы довольно длительного использования, что подтверждается сильной сработанностью внутренней поверхности большого кольца в месте соединения его с другим звеном (рис. 4, 2а, б).

По данным спектрального анализа, звено отлито из меди с повышенным содержанием олова, по восковой модели (приложение 4, образец 1288).

Особенностью этого звена, между тем, являются его небольшие размеры, по сравнению с целым рядом двухкольчатых удил, но главное — очень крупные кольца — внутренние и одно из внешних. Этими особенностями (крупными кольцами) звено данных удил вполне сближается с однокольчатыми удилами с гладкой поверхностью — по классификации С.Б. Вальчака — подтип 2 типа 1 подгруппы 1, которые широко представлены в памятниках предскифского времени на Северном Кавказе [Вальчак 2009, 27, рис. 23, 2—4].

Крайне небольшие размеры звена говорят о том, что удила, скорее всего, были выполнены по индивидуальному заказу, а лошадь, для которой они предназначались, вряд ли принадлежала к крупным особям. Последнее обстоятельство вполне согласуется с наблюдениями, сделанными в свое время С.Б. Вальчаком. Исходя из них, на основе многочисленных промеров деталей упряжи (до 100 звеньев), минимальная длина звена двухкольчатых удил составляет 7,7, а максимальная — 11,9 см. При этом, подчеркивается, что удила с короткими звеньями составляют лишь около 5 % среди изученных [Вальчак 1995, с. 44—45]. Примечательно, что в публикуемом конском уборе при столь коротких удилах были использованы псалии обычных стандартных размеров, о чем речь пойдет далее. Впрочем, учитывая,

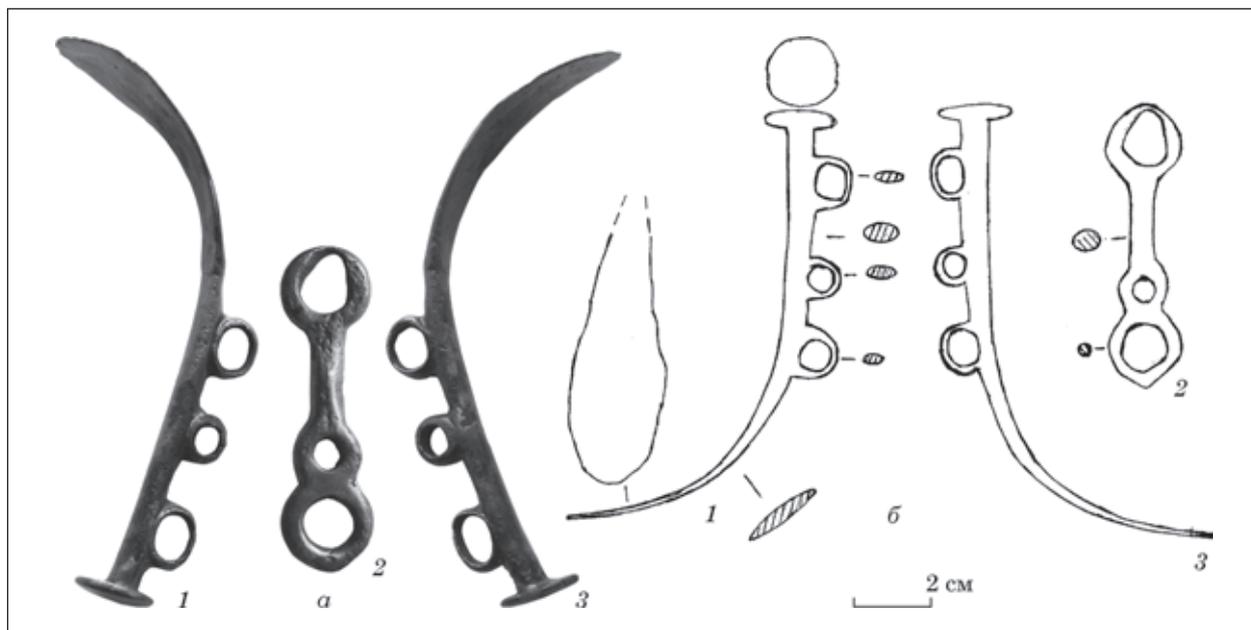

Рис. 4. Принадлежности конского снаряжения: 1, 3 — трехпетельчатые псалии; 2 — звено двухкольчатых удиц (а — фото; б — прорисовка); бронза

что удила представлены лишь одним звеном, нельзя исключать, что второе звено было более длинным и в таком случае говорить о том, что лошадь не принадлежала к числу крупных особей рискованно. Подобные разновеликие звенья — бронзовые и железные — довольно хорошо известны в конском уборе скифского времени [Могилов, 2008, с. 218, 223, 224, 230; рис. 7, 2; 12, 2; 13, 10]. Разновеликость звеньев удиц отражает некие элементы строгости при управлении конем.

Похоже, что звено публикуемых удиц относится к числу ранних. Об этом говорят, по крайней мере, два признака: во-первых, отсутствие рубчатой литой насечки на удилах в виде «квадратиков», что свойственно, прежде всего, для новочеркасских удиц относительно позднего времени, хотя, между тем, есть мнение, что гладкий стержень характерен для всего предскифского периода [Вальчак, 2009, с. 42], и во-вторых, большое внутреннее кольцо удиц [Махортых, 1992, с. 24]. Второй признак представляется более существенным, ибо этой особенностью наше звено сближается с однокольчатыми, более ранними удилами, о чем речь шла выше.

2, 3. *Пара литых бронзовых трехпетельчатых псалиев классического новочеркасского типа* — стержневидной формы, с верхним концом в виде плавно изогнутой лопасти и нижним, оканчивающимся круглой шляпкой. Относятся к типу I, по А.А. Иессену, типу Iв, по В.Р. Эрлиху [Иессен, 1953, с. 60, рис. 5; Эрлих, 1991, с. 35]. По более дробной классификации С.Б. Вальчака, — это второй вариант (классический) типа 6 (Новочеркасск) 4 группы псалиев [Вальчак, 2010, с. 74, рис. 90—109]. Это

самый распространенный тип в древностях предскифского времени Восточной Европы.

Псалии равновеликие, общая длина 13,6, толщина овального в сечении стержня 0,6 × 1,0, максимальная ширина лопасти 2,7, диаметр круглой шляпки на стержне 2,10—2,1 см. Лопасть отделена от стержня неглубокой бороздкой. Две петли крайние на стержне — овальной формы с внешним диаметром 1,5 × 1,1, и внутренним 1,2 × 0,9 см. Центральная петля — круглая с внешним диаметром 1,1, внутренним 0,8 см (рис. 4, 1, 3).

Оба псалия отлиты в одноразовой форме, по восковой модели. По данным спектрального анализа, один — из сложного сплава свинцово-цинковой бронзы (приложение 4, образцы 1286—1286а), другой — из оловянисто-мышьяковой бронзы с повышенным содержанием никеля (приложение 4, образцы 1287—1287а).

Такие трехпетельчатые псалии обычны в новочеркасских конских уборах VIII—VII вв. до н. э. и узкой даты не дают.

4. *Бронзовая фрагментированная пластинка-накладка, по-видимому, от деревянной чашки*¹. Сохранилась в длину на 3,0 см. Максимальная ширина 1,1 см. Очень тонкая, в профиль слегка изогнутая. С двух сторон пластинки — полуовальные выемки, вероятно, под шляпки гвоздиков для крепления пластинки на твердой основе (рис. 5, 3). Фрагментарность

1. При определении назначения находки нас любезно консультировал В.В. Отрощенко, д. и. н., проф., заведующий отделом меди—бронзы ИА НАН Украины, которому мы выражаем искреннюю признательность.

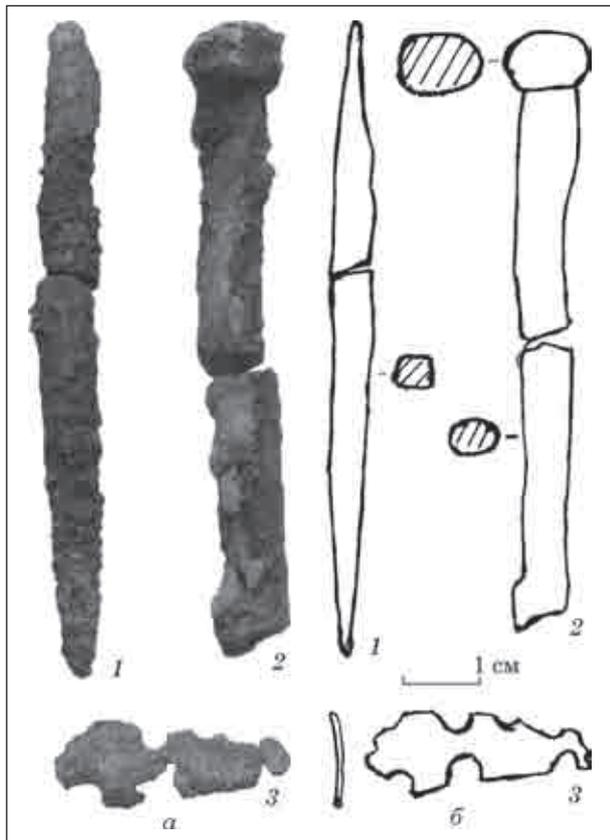

Рис. 5. Стержневидные предметы, железо (1, 2) и пластинка-накладка от деревянной чаши, бронза (3); а — фото; б — прорисовка

пластинки не позволяет обнаружить для нее аналогии. Деревянные чаши с бронзовыми накладками или скобками различной формы, украшенные гунсонным орнаментом или неорнаментированные довольно часто встречаются в предскифских, в том числе новочеркасских погребениях Северного Причерноморья [Махортых, 2005, с. 106]. Фрагментарность предмета не дает оснований говорить о его дате более определенно.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА ВООРУЖЕНИЕ

5. Представлено *железным (или стальным) кованым наконечником копья* сравнительно хорошей сохранности¹. Наконечник имеет длинную втулку, слегка сужающуюся к перу и переходящую в ребро жесткости на нем, довольно широкое перо лавролистной формы с двумя отверстиями у основания. С одной стороны втулки — шов-разрыв на всю ее длину: от края до пера. Общая длина наконечника 32,5, длина втулки 14,5, максимальная ширина пера 5,7, диаметр втулки внешний 3,0, внут-

1. Реставрация наконечника копья осуществлена реставратором 2 категории А.С. Борисюк-Дудкиной (ИА НАН Украины).

ренний — 2,0 см. Диаметр отверстий у основания пера — 0,1 см. Перо наконечника тщательно проковано (рис. 6; 7). Внутри втулки сохранились остатки древка диаметром 2,0 см в виде трухи.

Аналогичные наконечники копий, но без отверстий на пере, хорошо известны в новочеркасских древностях, например, в погребениях у сс. Носачев, Квитки в Днепровском Лесостепном Правобережье [Ковпаненко, 1966, с. 175, рис. 2, 1; Ковпаненко, Гупало, 1984, с. 49, рис. 9, 1, 2], на Северном Кавказе [Иссен, 1954, с. 125, рис. 14]. Что же касается экземпляров с отверстиями на пере, то они встречаются реже. Два аналогичных наконечника копий с отверстиями в основании пера были обнаружены в составе комплекса вещей новочеркасского облика у с. Бутенки на Полтавщине (бассейн р. Ворскла, Днепровское Лесостепное Левобережье) [Ковпаненко, 1962, с. 69, рис. 2, 3, 4]. Правда, у них перо имеет более остроугольную форму. Еще один экземпляр наконечника копья с отверстиями найден в 1960-х гг. случайно близ с. Михновцы Лубенского р-на Полтавской обл., в бассейне р. Сула [Кулатова, 1999, с. 3, рис. 1, 3]. Несомненный интерес представляет находка железного наконечника копья с подобными отверстиями в погребении 40 с вещами новочеркасского времени, в могильнике Фарс / Клады на Северо-Западном Кавказе [Лесков, Эрлих, 1999, с. 126, рис. 34, 5]. К слову сказать, эта находка дала основание предположить северокавказское происхождение железных наконечников копий из Бутенок [Лесков, Эрлих, 1999, с. 47]. Можно упомянуть также находку подобного наконечника копья в высококой культуре Прикарпатья [Крушельницька, 1985, с. 76 рис. 23, 12; Бандрівський, 2014, с. 216, рис. 95, 6] и три железных наконечника, найденные близ с. Матеуцы в Молдове [Тереножкин, 1976, с. 98, рис. 61, 1—3].

Подобные отверстия внизу пера фиксируются и на некоторых бронзовых, а иногда — железных экземплярах наконечников копий IX—VII вв. до н. э., обнаруженных в Средней Европе [Ковпаненко, 1962, с. 70, прим. 1], например, на 3 железных экземплярах в Дунайском погребении в Венгрии [Kemenzsei, 2005, Taf. 20, 19—21], на отдельных экземплярах восточного, сибирского происхождения [Клочко, 2003, с. 34, рис. 7, 1—9]. Отверстия на пере наконечников копий свойственны не только для оружия предскифского периода, как предполагалось ранее [Мелюкова, 1964, с. 12]. Ныне они известны и на наконечниках, в том числе бронзовых, в древностях эпохи бронзы, например, белозерской культуры. В качестве примеров можно привести наконечники копий из Винницкой области [Клочко, Козыменко, 2011, с. 78, илл. 124]. По-видимому, эти отверстия предназначались для закрепления каких-то значков (или кистей?) из органики (?), и, по мнению А.И. Тереножкина,

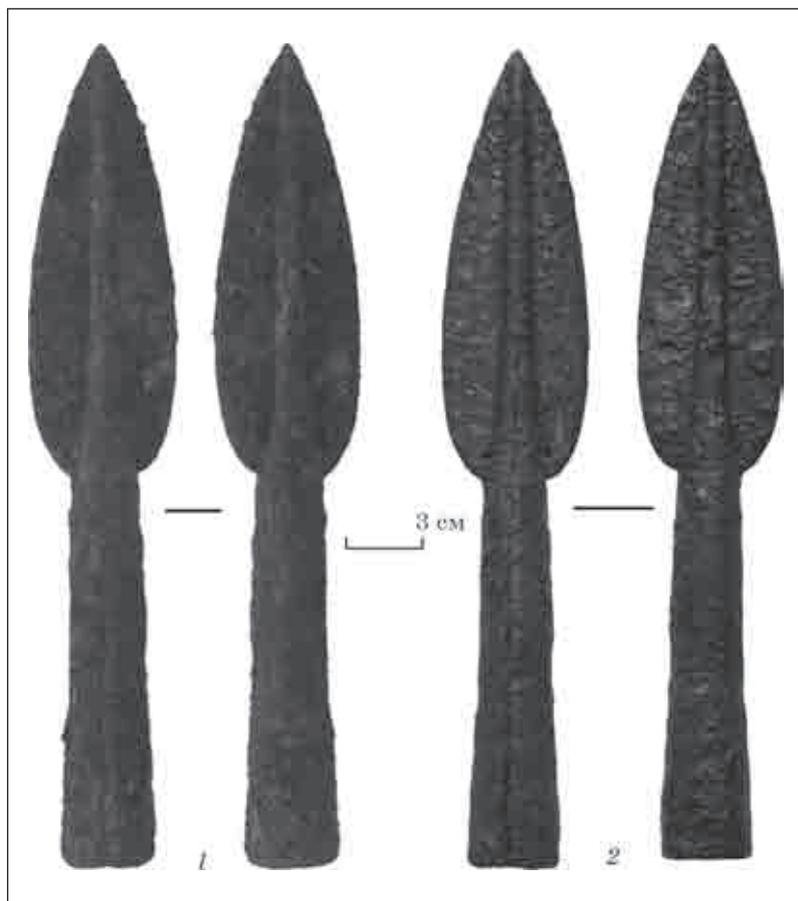

Рис. 6. Наконечник копья, железо: 1 — до реставрации; 2 — после реставрации

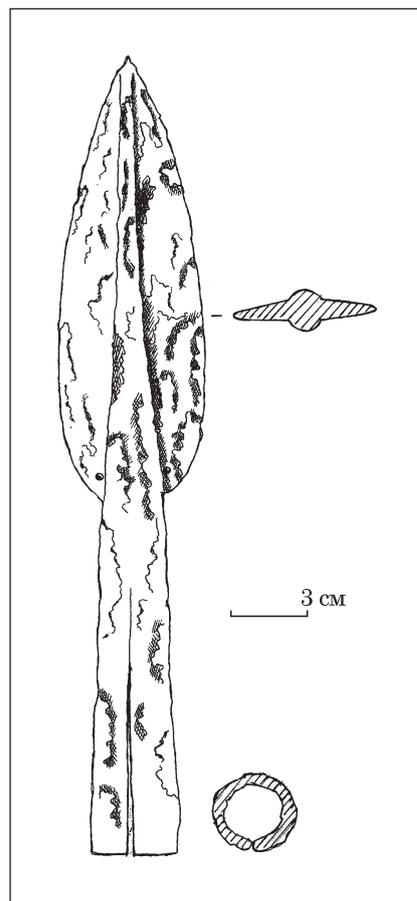

Рис. 7. Наконечник копья, прорисовка

это являлось древней общеевропейской традицией [Тереножкин, 1976, с. 144].

Дата приводимого наконечника копья, принимая во внимание его морфологические особенности, вполне может согласовываться с датой комплекса вещей новочеркасского облика, найденных у с. Бутенки на Полтавщине, (где присутствует подобный наконечник), которую определяют в рамках VIII — первой половины VII вв. до н. э. [Ковпаненко, 1962, с. 66—71], начала — первой половины VII в. до н. э. [Мелюкова, 1988, с. 11], или ограничивают концом VIII в. до н. э. [Скорый, 1999, с. 61, 96]. Последняя дата представляется достаточно аргументированной и приемлемой.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СТЕРЖНИ

6. Два фрагмента от кованого круглого в сечении стержня с обломанной нижней частью. Предметы довольно сильно корродированы с хорошо выраженными следами дерева на поверхности. Общая сохранившаяся длина — 8 см. Диаметр сечения до 0,6 см. В верхней части предмет увенчан округлой головкой диаметром до 1 см (рис. 5, 2а, б).

Первоначальные размеры и назначение предмета не ясны. Железные стержни с округ-

лой головкой на одном из концов, имеющие овальное или круглое сечение, известные в некоторых погребальных памятниках новочеркасской группы Лесостепи и Степи, в частности в захоронении у с. Ольшана на Черкашине [Скорый, 1999, с. 119, рис. 13, 5] и кургане 1 (погребение 1) у с. Великая Александровка на Херсонщине [Кубышев, Полин, Черняков, 1985, с. 146, рис. 3, 14]. Трактуются он как гвоздевидные булавки и относятся соответственно к VIII—VII или началу VII вв. до н. э. Между тем, размеры нашего предмета и наличие остатков дерева на нем позволяют думать, что он являлся не булавкой-украшением, а служил для крепления деревянной конструкции перекрытия.

7. Кованый стержень, состоящий из двух фрагментов. Сильно корродирован, со следами дерева на поверхности. Общая длина предмета 8,5 см. Квадратное сечение 0,5 × 0,5 см. Оба конца изделия сильно сужены, острые (рис. 5, 1). Аналогии в предскифских древностях не известны. По внешнему виду предмет весьма напоминает шило или проколку скифского времени [Бессонова, Скорый, 2001, рис. 66, 2, 3, 5, 10]. Однако, наличие следов дерева, как и на первом предмете, позволяет допустить его крепежную функцию.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

В выкиде грабительской ямы, перекрывшей впускную могилу, и при расчистке основания могилы в общей сложности найдено более 230 фрагментов керамики. Из них один фрагмент с выделенными валиками относится к эпохе бронзы, 5 обломков кружальной посуды — эпохи позднего средневековья и нового времени, остальные принадлежат раннему железному веку.

ФРАГМЕНТЫ ЛЕПНЫХ СОСУДОВ
ПРЕДСКИФСКОЙ ПОРЫ

Это остатки, как минимум, 3 сосудов, представлены различным количеством фрагментов.

8. Немногочисленные обломки *горшка* с шершавой светло-серой поверхностью. Всего 11 фрагментов, из них один венчик, два фрагмента дна и 8 стенок. Черепок сосуда — плотный, в изломе — серый, с мелкими белыми включениями. Обжиг поверхности — довольно равномерный. Венчик сосуда слегка отогнут, почти прямой, с горизонтально обрезанным краем, плавно переходит в тулово (рис. 8). Дно без закраины. Судя по сохранившимся фрагментам, горшок имел тюльпановидный профиль и средние размеры.

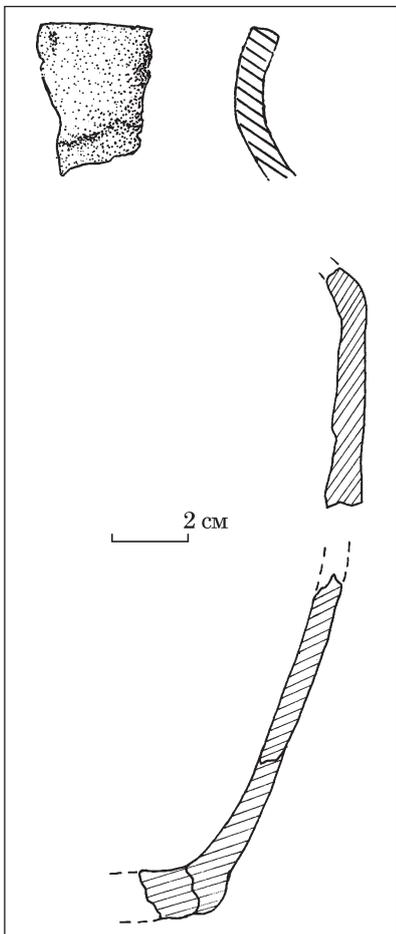

Рис. 8. Фрагменты горшка тюльпановидного профиля

9. Обломки довольно большого *горшка* или, скорее, *корчаги* неодинаковой цветовой гаммы, что связано с характером обжига. Сохранилось 45 фрагментов сосуда, из них — 1 венчик, 3 фрагмента донцев, остальные стенки. Черепок в изломе — серый, не отличается плотностью, тесто содержит ряд примесей, в том числе — мелких и крупных белого цвета. Цвет поверхности — неравномерный, пятнистый, от темно-серого до светло-серого.

Судя по сохранившимся профильным частям, сосуд имел почти прямое горло, украшенное венчиком с горизонтально обрезанным краем, тулово с биконическим изгибом в центральной части и донце, расположенное под тупым углом к стенкам сосуда, без выделенной закраины (рис. 9).

Какой-либо орнамент отсутствует.

Отличительной и яркой особенностью данного сосуда являются следы практически повсеместного затирания сырой внешней поверхности сосуда, перед обжигом, вероятно пучком травы, по большей части в горизонтальном направлении, хотя в отдельных местах просматриваются и вертикальные полосы (рис. 9). Есть подобные следы и на внутренней поверхности, хотя и не столь ярко фиксируемые.

Следует сказать, что подобный способ обработки поверхности сформованного сосуда является довольно архаическим, более свой-

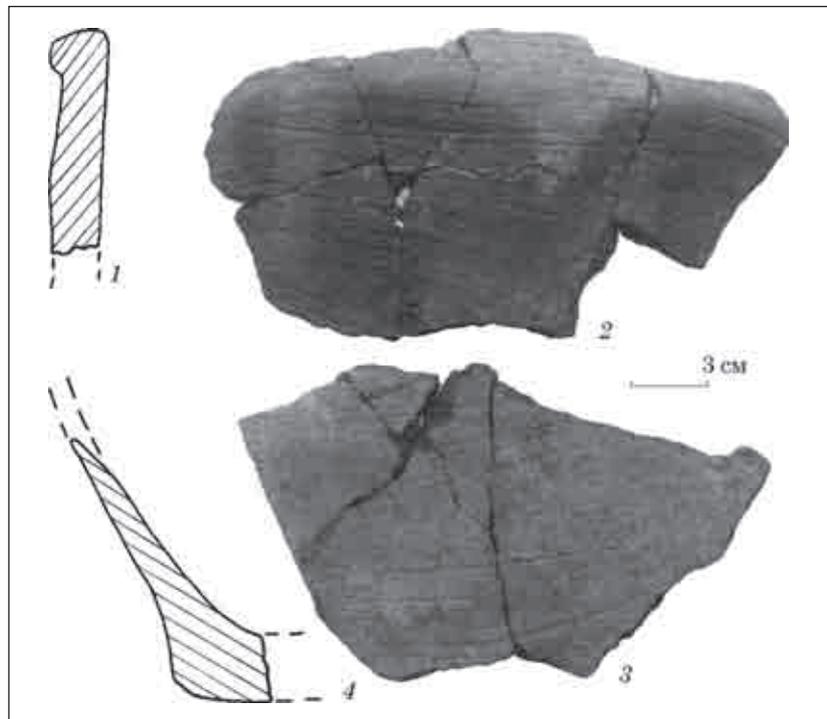

Рис. 9. Фрагменты сосуда с поверхностью, затертой травой

Рис. 10. Корчага. Общий вид после реставрации

твенным для керамики эпохи бронзы, хотя в отдельных случаях фиксируется в предскифское и даже скифское время [Гейко, 2011, с. 85].

10. Фрагментированная орнаментированная серолощенная корчага¹. Сохранилась, в общей сложности, в 166 фрагментах, из которых 7 относятся к венчику сосуда, 5 — к донцу, остальные — к большей части тулова.

Сосуд удалось практически полностью реставрировать.

Корчага — с почти шаровидным, слегка приземистым туловом, маленьким, слабо выделенным донцем, без закраины, узким высоким цилиндрическим горлом, завершающимся плавно отогнутым, сужающимся к краю венчиком (рис. 10).

Внешняя поверхность корчаги довольно хорошо подлощена. В районе горловины подло-

щена и внутренняя поверхность. Лощение в основном светло-серого цвета, и лишь в нижней части оно имеет темно-серый оттенок, что, несомненно, объясняется характером неравномерного кострового обжига.

Сосуд украшен двумя видами декора. Непосредственно в верхней части тулова, в месте перехода его в цилиндрическое горло, расположены 3 конические выступы-налепы. Ниже них находится врезной орнаментальный пояс, прорезанный по сырой глине, довольно небрежно, каким-то острым предметом. Ритм нанесения орнамента следующий. От каждого конического выступа вниз, вертикально, направлены две полосы без какого-либо декора внутри. Между ними находятся 3 орнаментальные блока в виде двух параллельных лент, заполненных чередующимися, косо заштрихованными или неорнаментированными треугольниками. В отдельных случаях вершины последних, находящихся в разных лентах, сходятся, образуя в свою очередь полузаштрихованные или не-

1. Сосуд почти полностью восстановлен реставратором 2 категории С.С. Федоровым (г. Кропивницкий).

Рис. 11. Орнамент в верхней части корчаги

орнаментированные ромбы. Ширина орнаментального пояса 3—3,5 см (рис. 11).

Общая сохранившаяся высота сосуда 28, диаметр дна 9, максимальный диаметр тулова 26, диаметр горла 5,8, диаметр края сосуда у венчика 10,5 см.

Крайне любопытно, что ближайшие аналогии данной корчаге с точки зрения типологии дают степные сосуды черногоровской группы киммерийской культуры, например, из погребения 3 кургана 14 у с. Золотая Балка на Херсонщине [Шевченко, 1987, с. 141—142, рис. 1, 7; Махортых, 2005, с. 91, рис. 35, 6, с. 187, рис. 90, 6] или Казаклии [Махортых, 2005, с. 187, рис. 90, 8]. При этом, корчага из Золотой Балки, происходящая из погребения первой половины IX в. до н. э. [Махортых, 2005, с. 126], наиболее близка нашему сосуду не только общей формой, расположением трех конических выступов близ горла, но и размерами: ее общая высота 24, диаметр дна 8, максимальный диаметр тулова 25, диаметр горла 8 см [Шевченко, 1987, с. 141].

По-видимому, корчаги подобной формы наследуют традиции сосудов белозерской культуры эпохи поздней бронзы [Махортых, 2005, с. 143, рис. 46, 19].

Публикуемая нами корчага отличается от сосуда из Золотой Балки наличием врезного геометрического орнамента. Сходный орнамент хорошо известен на предскифских сосудах, в том числе черногоровской и новочеркасской групп памятников северопричерноморской Степи, но его исполнение отличается, как правило, большей четкостью и уверенностью линий.

Оба вида орнамента на нашей корчаге вполне соответствуют декору, известному на посуде так называемого жаботинского периода (или этапа), широко представленной, в первую очередь, в ареале украинской Лесостепи. Вместе с тем, украшение публикуемой корчаги, в частности, геометрический орнамент, выполнен достаточно примитивно, что разительно отличает его по уровню от декора собственно жаботинской керамики.

Набор остальной лепной посуды, представленной несохранившимися целиком формами, не дает оснований для конкретной узкой даты.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КРЕМНЯ ¹

11. *Скребок концевой на отщепе* подовальной формы. Изготовлен предположительно из донецкого кремня. Судя по сильной волнистости на вентральной стороне, скол-заготовка под скребок был получен с помощью удара жестким отбойником, возможно, даже металлическим. Размеры: 27 × 22 × 4,0 мм (рис. 12, 1). Скребок, вероятно, мог использоваться для обработки шкур животных.

12. *Отщеп с ретушью* нерегулярной формы, темно-серого цвета со светло-серыми вкраплениями. Кремень по цвету похож на деснянский или сожский. Отщеп имеет гладкую площадку и был получен ударом отбойника. Размеры: 37 × 25 × 8 мм (рис. 12, 2).

Кремневые изделия, в том числе различные пластины, отщепы в новочеркасских погребениях немногочисленны, хотя фиксируется на всей территории Северного Причерноморья [Махортых, 2005, с. 103].

Итак, несмотря на варварское разрушение и ограбление впускного воинского погребения предскифского времени в кургане 3 группы I у с. Богдановка (Фрунзе) на Кировоградщине, у нас есть основания высказать некие соображения по поводу этого памятника.

1. При описании изделий из кремня нас любезно консультировал м. н. с. отдела археологии каменного века ИА НАН Украины Д.В. Ступак.

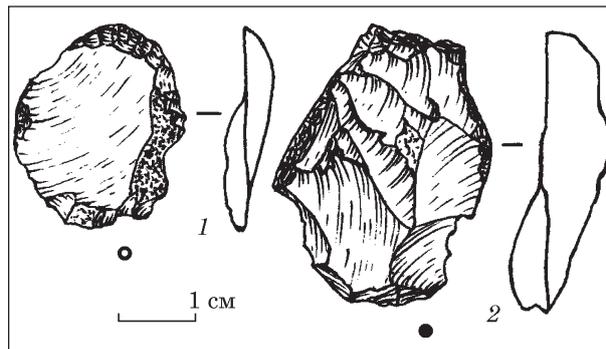

Рис. 12. Изделия из кремня

При решении вопроса о его дате первостепенное значение, как представляется, имеют бронзовое звено двукопчатых удила и железный наконечник копья, поскольку остальные металлические вещи либо не могут четко датироваться, либо их дата традиционно определяется в рамках VIII—VII вв. до н. э. При этом, не столько первая вещь, сколько вторая указывает на VIII в. до н. э., что — как мы думаем — и соответствует дате захоронения киммерийского воина-конника. В пользу этой, относительно ранней даты, на наш взгляд, вполне свидетельствуют и 2 фрагментированные лепные сосуда, прежде всего, корчага с шаровидным туловом и узким цилиндрическим горлом, находящаяся ближайшая аналогия в древностях черноворосской группы, и сосуд с поверхностью, затертой по сырой глине травой, что также является отражением ранних керамических традиций.

Погребение, исходя из его месторасположения, относится Приднепровской подгруппе памятников Новочеркасской группы, по классификации С.В. Махорты [2005, с. 137—140].

Захоронение, несомненно, принадлежало мужчине-воину, вероятно, представителю достаточно высокого социального уровня. Об этом свидетельствуют не только предметы вооружения и конского снаряжения, но фрагменты 3 сосудов, а также каменная стела. Несколько лепных сосудов, в том числе — корчага, в Северном Причерноморье зафиксировано в могилах предскифской знати, в курганах близ сс. Квитки, Ольшана в Днепровской Правобережной Лесостепи. Что же касается каменных изваяний (новочеркасского времени), то пока достоверно известен лишь один случай обнаружения их на курганах — в Птичатой Могиле у с. Белоградец (Болгария), где — как известно — было открыто погребение знатного воина предскифского времени [Тончева, 1972, с. 107, 109—110, 114—119; рис. 5; 7; Тончева, 1980, р. 11].

Пожалуй, следует еще указать, что при обследовании рядом расположенных курганов группы I, в одном из них также выявлены следы современного ограбления впускной (?) могилы. Поскольку в данном случае сохранились хорошо выраженные черты погребальной конструкции, вполне очевидно, что она была аналогичной той, из которой происходят публикуемые нами вещи. Данный факт наводит на мысль о существовании в этом пункте, вероятно, небольшого курганного могильника новочеркасской группы. Как представляется, эти памятники маркируют продвижение киммерийцев в лесостепные области.

В заключение подчеркнем, что материалы из предскифского погребения в кургане у с. Богдановка (Фрунзе), бесспорно, расширяют наши представления о древностях новочеркасской группы (киммерийцев в нашем представлении) в Северном Причерноморье, являясь стимулом для определенных исторических построений.

Бандрівський М. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи — на початку доби раннього заліза. — Львів, 2014. — 574 с.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — Киев; Краков, 2001. — 156 с. + 83 табл. илл.

Вальчак С.Б. Удила предскифского времени и киммерийские лошади Восточной Европы // Проблемы археологии древней и средневековой Украины. — Харьков, 1995. — С. 46—47.

Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на Юге Восточной Европы. — М., 2009. — 292 с.

Гейко А. Гончарство населения скифского часу Днепровского Лесостепного Лівобережжя. — Полтава, 2011. — 247 с. (Українські керамологічні студії. — Вип. 4).

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. — К., 2011. — 848 с.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. — Грозный, 1991. — 124 с. + 30 табл. илл.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. — Армавир, 1999. — 402 с.

Дударев С.Л. Новые комплексы позднейшего предскифского времени с Северного Кавказа // Сборник научных работ С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 155—170.

Дударев С.Л. К вопросу о связях Закубанья с Закавказьем, Подунавьем и Центральной Азией в предскифское время // Сборник научных работ С.Л. Дударева. — М., 2011. — С. 171—177.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР // СА. — 1953. — Т. XVIII. — С. 49—110.

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. — М., 1954. — С. 112—131.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983. — 380 с.

Клочко В.І. З археологічних матеріалів колекції «ПлаТар». Лубенський скарб // Пам'ятки України. — 2003. — № 4. — С. 31—37.

Клочко В.І., Козыменко А.В. Наш недавний бронзовый век. — К., 2011. — 193 с.

Ковпаненко Г.Т. Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне Ворсклы // КСИА. — 1962. — Вып. 12. — С. 66—72.

Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII—VII вв. до н. э. // Археологія. — 1966. — Т. XX. — С. 174—179.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. — К., 1984. — С. 110—122.

Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. — К., 1985. — 162 с.

Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. — 1985. — № 4. — С. 144—154.

Кулатова И.Н. Некоторые находки киммерийского времени с территории Полтавщины // Скорый С. А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. — Киев; Полтава, 1999. — С. I—VII.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс / Клады. — М., 1999. — 163 с.

Махортих С.В. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу (за матеріалами Північного Кавказу) // Археологія. — 1992. — № 1. — С. 23—31.

Махортих С.В. Киммерійці на Северном Кавказе. — К., 1994. — 95 с.

Махортих С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. — К., 2003. — 140 с.

Махортих С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. — К., 2005. — 380 с.

Покровская Е.Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. — 1973. — № 4. — С. 169—188.

Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. — Киев; Полтава, 1999. — 186 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 223 с.

Тереножкин О.И. Киммерийські стели // Археологія. — 1978. — Вип. 27. — С. 12—22.

Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям // Thracia. — 1972. — I. — С. 101—119.

Шевченко Н.П. Новые памятники раннего железного века на юге Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987. — С. 140—148.

Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Кубани // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М., 1991. — С. 31—47.

Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. — М., 1994. — 145 с. + 32 табл. илл.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М., 2007. — 430 с.

Kemenczei T. Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. — Mainz, 2005. — 186 S. + 64 Taf. (PBF. — Abb. XX, Bd. 10).

Тончева Г. Necropole tumulaire pres village Belogradec du VII e. s ann. ers // Thracia. — 1980. — V. — P. 5—52.

С.А. Скорий, О.П. Орлик

ПОХОВАННЯ ВОЇНА ПЕРЕДСКІФСЬКОГО ЧАСУ НА ПІВДНІ КІРОВОГРАДЩИНИ

Стаття присвячена публікації матеріалів зі зруйнованого сучасними грабіжниками передскіфського поховання в кургані біля с. Богданівка (Фрунзе) на Кіровоградщині, на порубіжжі Правобережного Лісостепу і Степу.

Аналіз артефактів, які збереглися, та деяких особливостей поховального ритуалу, свідчить, що це

було поховання чоловіка 30—40 років, воїна, вершника. Це підтверджується озброєнням та деталями кінського вбрання.

Небіжчик був похований на вершині досить великого кургану, у могильній ямі, що була перекрита дубовими плахами та камінням. Орієнтовка небіжчика, скоріш за все, була головою на південний захід. Покійний супроводжувався м'ясною жертвою їжею.

Знахідки в похованні озброєння, кінського вбрання, залишків, як мінімум 3 посудин, розбитою кам'яної стели, на наш погляд, говорять, що поховання в кургані біля с. Богданівка належало представнику передскіфської (кіммерійської) кочової знаті.

Дата пам'ятки, скоріш за все, VIII ст. до н. е.

Ключові слова: поховання воїна, пам'ятка новочеркаської групи, кіммерійці, порубіжжя Лісостепу і Степу Північного Причерномор'я.

S.A. Skoryy, O.P. Orlyk

THE GRAVE OF WARRIOR OF PRE-SCYTHIAN TIME AT SOUTH OF KIROVOGRAD REGION

The article is devoted to publishing contemporary robbers destroyed in the Pre-Scythian grave near the village Bogdanivka (Frunze) in Kirovograd region, on the border of Right-Bank steppe and steppe.

Analysis of the artifacts has been preserved, and some features of the burial ritual shows that it was the burial of a man 30—40 years old warrior rider. This is supported by arms and parts of horse harness.

The deceased was buried on top of a fairly large mound in the grave pit that was blocked with stones and oak block. Orientation dead, most likely, was chairman of the southwest. The deceased was accompanied by sacrificial meat meal.

The finds in the burial of weapons, horse harness, residues, at least 3 vessels, broken stone stele, in our opinion, saying that burial in the mound near the village Bogdanivka representative Pre-Scythian (Cimmerian) nomadic nobility.

Date of this grave, likely 8 BC.

Keywords: the grave of warrior, monument of Novocherkassk group, Cimmerians, the border of Right-Bank Forest-Steppe and Steppe.

Одержано 27.01.2017